

Александр Сергеевич Стыкалин

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: zhurslav@gmail.com

Венгерское национальное сообщество Трансильвании и его взаимоотношения с коммунистическими властями Румынии (1950–1980-е годы)

Конфликтный исторический опыт венгерско-румынских взаимоотношений в прежние эпохи сказался на отношениях венгерского национального меньшинства Трансильвании с румынскими коммунистическими властями в 1950–1980-е годы. Концепция Румынии как унитарного национального государства не оставляла места для венгерской территориальной автономии даже в самых узких границах, трансильванские венгры были объявлены неотъемлемой составной частью румынской политической нации. Это вызывало растущее сопротивление консолидированного и обладавшего развитой национальной идентичностью венгерского меньшинства со своей интеллигенцией, воспринимавшей себя в качестве наследницы и хранительницы своих 1000-летних государственных и культурных традиций в Трансильвании. Реакция трансильванской венгерской интеллигенции на усилившийся румынский националистический вызов менялась по мере эволюции режима Чаушеску, порождая разные стратегии поведения. В конце 1960-х годов, когда независимая политика Румынии пользовалась международным признанием, доминировало стремление повлиять на ситуацию через диалог с властью. Позже, с конца 1970-х годов, активизировалось участие трансильванских венгров в румынском диссидентском движении. Не меньшую эволюцию претерпела политика режима Кадара в Венгрии в отношении венгерской диаспоры в Румынии, находившаяся в тесной зависимости от общего состояния венгерско-румынских отношений.

Ключевые слова: Румыния, венгерское национальное меньшинство, венгерско-румынские отношения, Николае Чаушеску

Цитирование: *Стыкалин А.С.* Венгерское национальное сообщество Трансильвании и его взаимоотношения с коммунистическими властями Румынии (1950–1980-е годы) // Центральноевропейские исследования. 2020. 3(12) / гл. ред. О.В. Хаванова. М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2021. С. 134–161. DOI: 10.31168/2619-0877.2020.3.7

Сохраняющаяся актуальность трансильванского вопроса как неустранимой болевой точки в венгерско-румынских отношениях делает насущным обращение к поискам исторических корней сегодняшних споров. Наряду с другими периодами в истории взаимоотношений двух народов внимание исследователей, как румынских, так и венгерских, неизменно привлекает период существования в Румынии коммунистического режима — отчасти потому, что именно в это время, и в частности, в 1950–1960-е годы, был реализован на практике проект венгерской территориальной автономии в Трансильвании — идея, которая является сегодня камнем преткновения на пути разрешения национальных противоречий в регионе, равно как и преодоления разногласий между политическими элитами соседних Венгрии и Румынии. Предлагаемый в статье, данный с учетом историографии обеих стран взгляд на комплекс трансильванских проблем той эпохи извне, из России, совсем не будучи исчерпывающим, имеет вместе с тем определенные преимущества перед взглядом венгерских или румынских историков в силу неотягощенности внешних, российских наблюдателей грузом многовековых споров, оставивших глубокий след в исторической памяти и в культуре соседних наций. В центре внимания — конфликтный опыт сожительства венгерского сообщества Трансильвании (особенно интеллигенции) с коммунистическими властями Румынии в 1950–1980-е годы в контексте происходивших изменений самой концепции румынского социализма. В целях более глубокого и всестороннего осмысления этого опыта сохраняется задача ввода в научный оборот новых источников (в том числе из российских архивов), дополняющих общую картину подчас существенными деталями.

Истоки всесторонних венгерско-румынских контактов восходят к раннему Средневековью, что предопределяет глубину межэтнических конфликтов между двумя очень разными по языку, культурным традициям и приверженными разным религиям народами, пребывающими много столетий в близком соседстве друг с другом на востоке Центральной Европы. Территорией проживания и венгров, и румын при отсутствии четкой границы между территориями их расселения была и остается прежде всего Трансильвания — обширная историческая область в юго-западных предгорьях Карпат, с декабря 1918 г. входящая в состав Румынии. Этот край на протяжении веков отличался смешанным составом населения при очень непростом

характере взаимоотношений между населяющими его этносами — румынами, венграми, немцами.

После краха в 1918 г. Австро-Венгерской монархии в результате поражения в Первой мировой войне Трансильвания была присоединена к Румынии волей созданного 1 декабря того же года в Альба-Юлии Великого национального собрания. Это получило юридическое закрепление в Трианонском договоре держав-победительниц с Венгрией от 4 июня 1920 г. Войдя в состав Румынии, трансильванская земля не перестала быть полем острых венгерско-румынских конфликтов. Венгрия, хотя и вынужденно подписала в 1920 г. Трианонский договор, лишивший страну двух третей ее довоенной территории, рассчитывала на его пересмотр с изменением соотношения сил на международной арене. Привыкшие считать себя подданными венгерской короны трансильванские венгры так и не адаптировались за 20 межвоенных лет к условиям румынского государства — бойкотировали государственный язык, дистанцировались от румынской культуры в ожидании ревизии границ. Консолидированная венгерская диаспора со своей высокообразованной национальной интеллигенцией воспринимала себя неотъемлемой частью расколотой Трианоном, но продолжавшей существовать в своих старых границах (не совпадающих с новыми госграницами) венгерской нации¹. При отсутствии государственной поддержки венгерских учебных заведений и ограничениях в использовании венгерского языка в администрации трансильванские венгры, опираясь на помощь католической и кальвинистской церквей, приобретали опыт самоорганизации в непростых условиях. Большое значение имели культурные общества со своей прессой и традициями, восходившими к временам, когда венгры были в Трансильвании политически доминирующим

---

¹ В 1872 г. в главном городе Трансильвании Коложваре (совр. Клуж-Напока в Румынии) был основан второй венгерский университет (первый функционировал в Пеште, затем в Будапеште). Перемещение в 1920 г. этого высшего учебного заведения, обладавшего сильной профессурой, в пределы новых границ Венгрии, в г. Сегед, ослабило культурный потенциал венгерской диаспоры в крае. Вместо венгерского университета в Клуже был создан румынский, перед которым новыми властями была поставлена нелегкая задача стать главным инструментом румынизации культурной и научной жизни Трансильвании. Венгерский университет вернулся в Клуж осенью 1940 г. вместе с венгерскими властями, а румынский переместился в г. Сибиу, после раздела Трансильвании остававшийся под юрисдикцией Бухареста. После 1945 г. в Клуже до конца 1950-х годов сосуществовали румынский и венгерский университеты.

этносом. Преобладание венгерского населения в большинстве городов Трансильвании (в Клуже венгры и в конце 1930-х годов превышали 80 % населения) и существование в крае экономически сильной венгерской буржуазии облегчали сопротивление румынизаторской политике властей².

30 августа 1940 г. Второй венский арбитраж нацистской Германии и фашистской Италии вернул Венгрии территорию Северной Трансильвании³. Заявив в условиях начавшейся мировой войны свои притязания на утраченные территории, правительство М. Хорти (1868–1957) нашло поддержку подавляющего большинства трансильванских венгров. В период Второй мировой войны не удалось избежать серьезных межэтнических столкновений, особенно осенью 1944 г., после ухода венгерской администрации из Северной Трансильвании. Кровавые распри легли тяжелым грузом в исторической памяти обоих народов, причем и в эпоху «зрелого социализма» в Румынии оставалось много живых свидетелей тех трагических событий. Вследствие пережитого опыта дискриминаций, расправ, массовых переселений 1940–1944 гг. в сознании как венгерского, так и румынского населения Трансильвании глубоко укоренилось недружественное или, по крайней мере, очень настороженное отношение к представителям другой, живущей рядом нации. Именно с этим нелегким наследием послевоенная Румыния вступила в новую полосу своей истории.

Парижский мирный договор 1947 г., восстановив трианонские границы двух стран, поставил точку в споре вокруг Трансильвании. Конечно, восстановление крайне неблагоприятных для Венгрии границ было воспринято в стране как дипломатическая неудача и вместе с тем не вызвало такого же шока как Трианон. Ведь роль хортистского режима в войне оставляла Венгрии слабые надежды на благосклонное отношение держав-победительниц к ее пожеланиям и на признание ими правомерности хотя бы части территориальных приращений, осуществленных при поддержке нацистской Германии. С подписанием мирного договора Венгрии не оставалось ничего другого, как пойти на нормализацию отношений с проблемным восточным соседом — тем более что сталинское руководство СССР явно

² Подробнее см.: Стыкалин 2020.

³ См.: Исламов, Покивайлова 2008.

не хотело раздувания конфликтов внутри своей сферы влияния. Тотальный контроль коммунистов над прессой и обществом, установленный к концу 1940-х годов, позволял пресекать любые публичные проявления ирредентизма. Заключение в 1948 г. договора о дружбе и сотрудничестве с Румынией явилось для Венгрии признанием не только *status quo* в вопросе о границах, но и того факта, что забота о положении 1,7-миллионного венгерского меньшинства в Румынии всецело относится к компетенции Бухареста. В угоду единству формирующегося советского блока из венгерской прессы начисто исчезла любая критика национальной политики в соседней стране. Таким образом, установление в обеих странах коммунистических режимов ускорило видимую нормализацию отягощенных грузом трансильванской проблемы двусторонних отношений. После войны важнейшей формой самоорганизации трансильванских венгров стал образованный в конце 1944 г. Венгерский народный союз. При всей разнородности членской массы он противостоял румынским националистическим партиям и выступал зачастую попутчиком коммунистов, а позже был очищен от противников коммунистической перспективы и в 1953 г. распущен; те его функционеры, которые проявили готовность сотрудничать с режимом, получили должности в образованной в 1952 г. в Восточной Трансильвании Венгерской автономной области.

Предложение о создании венгерской территориальной автономии поступило от руководства СССР, ссылавшегося на советский опыт⁴. На территории автономии имелось больше возможностей для применения венгерского языка в публичной сфере и управлении, здесь была сосредоточена основная масса венгерских национально-культурных институций. 80% чиновников здесь составляли этнические венгры, лояльные режиму. Создание ВАО подавалось пропагандой как решение проблемы «в духе ленинской национальной политики». Однако в реальности были тут же ограничены возможности развития венгерской культуры за пределами ВАО, хотя по меньшей мере две трети румынских венгров проживали не в границах этого нового образования⁵, не входил в него и традиционный центр венгерской

⁴ См.: Боттони 2014.

⁵ Автономия с центром в г. Тыргу-Муреш (венг.: Марошвацархей) занимала территории трех современных румынских уездов — Марош, Харгита и Ковасна. В двух последних из них, находящихся на исторической земле секеев (особой части венгерского

культуры Клуж, где до 1959 г. существовал самостоятельный венгерский университет⁶. При этом власти препятствовали установлению непосредственных (в том числе культурных) связей ВАО с Венгрией⁷. Ни о каком самоопределении венгров в рамках такого рода автономии речи быть не могло. Более того, румынская элита использовала ее в целях вытеснения венгерской культуры из большинства трансильванских городов, чему способствовал и медленный, но верный процесс изменения их национального состава вследствие урбанизации, переселения сельских жителей в города. За пределами ВАО венгры последовательно отодвигались с любых позиций, не могло быть и речи о каких-либо формах самоорганизации венгерского населения. Проект ВАО не воспринимался как совершенный ни в румынской, ни в венгерской среде и, разумеется, не решил на практике национального вопроса. Более того, среди венгров сложилось мнение, что власти явно использовали создание ВАО именно в целях ограничения венгерского влияния в крае.

Создавая видимость решения «венгерского вопроса» с учетом советского опыта, коммунистический режим вместе с тем унаследовал от королевской Румынии крайне настороженное отношение отнюдь не только к откровенно ирредентистским настроениям в Венгрии, но даже к самым умеренным проявлениям венгерского национализма

этнoса с ярко выраженным культурным своеобразием), венгры до сих пор составляют большинство населения.

⁶ Его соединение с клужским румынским университетом обосновывалось необходимостью преодоления изолированности венгерского населения Румынии от мажоритарного румынского. Между тем процесс поглощения венгерского университета румынским, сопровождавшийся сокращением кафедр и увольнением профессуры, был воспринят в среде трансильванской венгерской интеллигенции драматически. Один из последних ректоров клужского венгерского университета Ласло Сабеди (1907–1959) покончил жизнь самоубийством. На националистической волне 1960-х годов высшее образование на венгерском языке (кроме церковного) сводилось к минимуму, ограничиваясь потребностями подготовки педагогических кадров для начальных школ.

⁷ Секретарь парторганизации ВАО молодой Янош Фазекаш (1926–2004) до 1960-х годов ни разу не был в Венгрии. Это обстоятельство сыграло роль в его карьере: в Бухаресте при назначении на пост отдал предпочтение ему, а не кому-либо из влиятельных ветеранов компартии, среди которых было немало трансильванских венгров (и особенно венгероязычных евреев). Ведь последние (Вальтер Роман (1913–1983), Николае Гольдбергер (1904–1970) и др.) имели давние и тесные связи с венгерским коммунистическим движением. Позже Фазекаш, занимая ответственные должности в Бухаресте, был одним из сильнейших лоббистов интересов трансильванских венгров. Скончался в Венгрии, куда переселился после 1989 г.

и, более того, вообще к какому-либо напоминанию о трансильвано-венгерской культурной общности. Румынские власти очень ревниво и щепетильно смотрели на поступавшие из Будапешта культурные инициативы и принимали в штыки даже самую осторожную постановку вопроса о соблюдении национальных прав венгров в Румынии. Призрак великомадьярского ревизионизма постоянно мерещился официальному Бухаресту, отягощая отношения двух коммунистических режимов. Так, румынская сторона опротестовала включение в собрание сочинений великого венгерского поэта межвоенной эпохи Аттилы Йожефа (1905–1937) трех стихотворений, отразивших болезненную реакцию венгра на отторжение Трансильвании. Были случаи, когда выражение кем-то из видных венгерских писателей тоски по утраченной Трансильвании приводило к демонстративному отзыву посла. Румынский лидер Георге Георгиу-Деж (1901–1965) неоднократно жаловался советским дипломатам на двусмысленные высказывания венгерских официальных лиц, дававшие основания заподозрить их в ностальгии по Трансильвании — по их мнению, венгерской исторической земли, потерянной лишь вследствие внешнеполитических неудач⁸.

Общественный подъем, развернувшийся в Венгрии под влиянием XX съезда КПСС, сопровождался публичной постановкой ранее запретных вопросов. Инициатива здесь принадлежала коммунистам-реформаторам, с каждым месяцем усиливавшим свое влияние. Настоящий фурор в Бухаресте вызвала не острая, но явно непривычная для своего времени по постановке проблем статья публициста Пала Панди «О наших общих делах», опубликованная 9 сентября 1956 г. в центральном партийном органе газете *Szabad Nép* («Свободный народ»). В статье выражалось недоумение по поводу роспуска ряда общественных организаций румынских венгров, говорилось о необходимости оживления культурного обмена, ставился вопрос о восстановлении в Румынии снесенных после 1920 г. памятников деятелям венгерской истории и культуры. Культура румынских венгров называлась в статье органичной частью современной венгерской культуры, к развитию которой не может быть равнодушия в самой Венгрии.

Сама постановка вопроса о развитии венгерской культуры Трансильвании как об «общем деле» Румынии и Венгрии была расценена в Бухаресте как открытый призыв к ревизии границ. Во избежание

⁸ АВП РФ. Ф. 077. Референтура по Венгрии. Оп. 37. Папка 191. Д. 38. Л. 56–60.

более шумных демаршей венгерскому руководству пришлось отмежеваться от позиции, прозвучавшей на страницах главной газеты⁹. С немалой настороженностью, как проявление венгерского национализма, публикация была воспринята и в Москве, где опасались возникновения трещин в восточном блоке¹⁰.

Сохранявшийся в Венгрии общественный интерес к положению соотечественников в соседних странах вызывал столь большое раздражение в Румынии не только из-за традиционного недоверия к официальному Будапешту, обусловленного вполне понятными историческими причинами, а прежде всего потому, что венгерское влияние в этот период связывалось с более либеральными политическими веяниями. Румынские коммунистические лидеры, не склонные даже к самым ограниченным реформам, боялись как «заражения» собственной интеллигенции идеями либерализации социализма, так и активизации венгерского национального меньшинства (также как, впрочем, и представителей титульной румынской нации) в его борьбе за свои гражданские права. Стремясь оградить страну от ветра перемен извне, они все больше упирали во внутренней пропаганде на опасность для Румынии великомадьярского шовинизма.

Особенно решительно эта линия стала проводиться с началом мощнейшего венгерского восстания 23 октября 1956 г., воспринятого правящей элитой Румынии как крайне опасный сигнал, создающий угрозу потенциальной солидарности трансильванских венгров с восставшими соплеменниками. С первых же дней румынскими властями был принят широкий комплекс мер по нейтрализации влияний, идущих из соседней страны. Призывы к ревизии трианонских границ в Венгрии 1956 г. фактически не звучали. Вместе с тем реальная настороженность немалой части румын в отношении гипотетической ирредентистской угрозы существовала, и власти использовали ее для устрашения румынского общества. Иногда это приносило эффект, позволило, в частности, внести раскол в молодежную среду Клужа,

⁹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 188. Д. 10. Л. 179.

¹⁰ Там же. Папка 191. Д. 38. Л. 55. В донесениях советских дипломатов приводились в качестве примера «буржуазно-националистических» настроений высказывания венгерских коммунистов о том, что Венгрию лишили ее исторического права на обладание Трансильванией только «в наказание» за ее незавидную роль последнего сателлита нацистской Германии, позже других ее европейских союзников вышедшего из войны.

утихомирить там студенческие брожения¹¹. По-иному обстояло дело в Банате, где в силу исторических условий сложилась давняя традиция бесконфликтного сожительства румын, немцев, сербов и венгров. В главном городе этого края Тимишоаре студенческие протестные движения, подавленные властями, были свободны от национальной ограниченности¹². После 1956 г. венгерскую революцию использовали как повод для ужесточения внутренней политики. Жестoko пресекались любые неформальные объединения как в венгерской, так и в румынской студенческой и интеллигентской среде Трансильвании, поскольку в них видели потенциальную оппозицию. Наносился удар и по организациям, связанным с кальвинистской и католической церквями. Наиболее авторитетным борцом за национальные права трансильванских венгров, немало лет проведшим в заключении либо под домашним арестом, был католический епископ Мартон Арон (1896–1980). Его воспринимали как своего защитника не только венгры, но и многие румыны из числа униатов после запрета в Румынии грекокатолической церкви в 1948 г.¹³

В 1960-е годы Венгрия и Румыния — два соседних государства, хотя и принадлежавшие к одному военно-политическому блоку, но несшие на себе тяжелый исторический груз прежних раздоров — вступили в состоянии хотя внешне бесконфликтном, но явно не свободном от взаимной подозрительности, причем все более усиливавшейся. Каждая из двух элит (румынской и венгерской) искала свой собственный путь развития в рамках социалистического выбора и восточного блока, в большей мере, по их мнению, отвечавший специфическим национальным условиям.

В Румынии сформировался особый внешнеполитический курс, делавший акцент на приоритетности национально-государственных интересов, которые никак не могут быть подчинены общим задачам блока. На сессиях СЭВ представители страны все более активно выступали против советских планов экономической интеграции, недостаточно, по их мнению, учитывавших сложившуюся структуру производства в стране: их реализация вела, по сути, к превращению Румынии в аграрно-сырьевой придаток более развитых государств. Критику вызвали

¹¹ О самоорганизации протестного движения в Румынии осенью 1956 г. см.: Воча 2001.

¹² Sitariu 2004.

¹³ Bodo, Lázár, Lövéti (eds) 2013.

проекты создания надгосударственных плановых органов и предполагаемого включения отдельных частей Румынии в экономические районы, формирующиеся поверх государственных границ¹⁴.

Во внешней политике Румыния делала все больший упор на внеблоковые принципы безопасности и сотрудничества в Европе. Она, в частности, дистанцировалась от СССР в вопросе о нераспространении ядерного оружия, требуя предоставления дополнительных гарантий неядерным государствам¹⁵. В мировом коммунистическом движении, в условиях жесткого и к 1963 г. уже открытого противостояния между КПСС и китайской компартией за доминирование, РРП (с 1965 г. компартия, РКП) избрала тактику балансирования на советско-китайских противоречиях в интересах укрепления собственных позиций.

После отставки в октябре 1964 г. Н. С. Хрущева и кончины в марте 1965 г. Г. Георгиу-Дежа вопреки надеждам брежневского руководства устранить возникшие в отношениях между партиями наслоения не удалось. Новый румынский лидер Николае Чаушеску (1918–1989) еще более последовательно проводил независимый курс (восстановление дипотношений с ФРГ в январе 1967 г. вопреки общей линии советского блока; особая позиция во время «шестидневной войны» на Ближнем Востоке). Разногласия между Бухарестом и Москвой усугублялись.

С другой стороны, с середины 1960-х годов и до лета 1971 г.¹⁶ происходила либерализация культурной политики в Румынии, сопровождавшаяся активным обращением к той части культурного наследия межвоенной эпохи, которая делала акцент на национальном своеобразии: началось искусственное конструирование традиции, способной продемонстрировать как восходящую еще к дако-римским временам глубокую древность, так и величие румынской культуры — в ней выискивались явления, которые имели бы первопрородческий характер в европейском масштабе (позже, в 1970-е годы, эта тенденция была доведена до абсурда, причем в условиях гораздо более жесткого административного диктата). Хотя либерализация культурной жизни подняла планку творческих свобод и для деятелей венгерской

¹⁴ Покивайлова 2013.

¹⁵ Гладышева 2018.

¹⁶ До посещения Чаушеску Китая и Северной Кореи, вызвавшего у него сильное увлечение восточными моделями.

культуры Трансильвании (включая литераторов, группировавшихся вокруг клужского журнала *Korunk* («*Наше время*»)), их диалогу с властью явно препятствовало принижение вклада венгров в развитие культуры этого края в прежние эпохи.

В апреле 1968 г. пленум ЦК румынской компартии осудил репрессии 1950-х годов, был реабилитирован видный деятель партии Лукрециу Пэтрэшкану (1900–1954). Зазвучала открытая критика методов усопшего Георгиу-Дежа. Инициировав решения пленума, Чаушеску стремился прежде всего ослабить позиции своих влиятельных соратников по руководству партии, входивших в него еще задолго до его возвышения. Тем не менее и в румынском обществе (включая трансильванских венгров), и за пределами страны происходившее было воспринято как пусть и запоздалый, но разрыв со сталинским наследием, вполне созвучный идеалам развернувшейся Пражской весны, начатым венгерским экономическим реформам, польскому студенческому движению за обновление социализма. Все это работало на повышение международного престижа Чаушеску и его режима. В середине мая, в самый канун назревавших мощных волнений во Франции Румынию удостоил своим визитом сам генерал Шарль де Голль (1890–1970), выразив солидарность с ее независимым курсом.

Весной 1968 г. главное внимание в советском лагере было переключено на реформы Пражской весны. В Москве и ряде других столиц увидели в них куда большую опасность, чем в румынском национализме, не подрывавшем монополии компартии на власть в своей стране. В чехословацком вопросе руководство румынской компартии тоже заняло особую позицию, полностью поддержав реформаторов КПЧ во главе с А. Дубчеком (1921–1992), подвергавшихся сильному давлению союзников по блоку. При этом румынские лидеры, не замышлявшие в своей стране реформ, воспринимали происходящее сквозь призму собственной доктрины, предпочитая видеть в Пражской весне движение за расширение национального суверенитета, а в чехословацких реформаторах своих попутчиков в борьбе за самоутверждение Румынии на международной арене, еще большее ее освобождение от советского влияния. В августе 1968 г. Румыния — вполне ожидаемо — бойкотировала военную акцию стран ОВД в отношении Чехословакии, и Чаушеску выступил с ее жесткой критикой.

Иной вектор развития возобладал в 1960-е годы в кадаровской Венгрии, где начавшаяся либерализация, в полной мере

проявившаяся и в культурной политике, не сопровождалась попытками отхода от генеральной линии восточного блока, что показал и август 1968 г. Разногласия лидеров Венгрии и Румынии по общим вопросам мирового коммунистического движения и внешней политики (проблемы экономической кооперации, принципов функционирования ОВД, отношений с Китаем и т. д.) не могли не сказаться и на непростых венгеро-румынских отношениях.

После принятия румынскими властями ряда мер по ограничению позиций венгерского языка в общественной жизни и административной практике Трансильвании (в том числе закрытие в 1959 г. самостоятельного венгерского университета в Клуже, изменение в 1960 г. границ ВАО в целях ослабления влияния венгерских функционеров) в общественном мнении Венгрии, включая не только интеллигенцию, но и партократию, резко усилилось недовольство политикой Бухареста¹⁷. В отличие от некоторых своих соратников Янош Кадар (1912–1989) не считал целесообразным поднимать этот вопрос в ходе бесед с представителями румынского руководства, опасаясь, что это только усугубит положение. Кроме того, в данном вопросе едва ли удалось бы заручиться поддержкой КПСС: Москва, не желая, чтобы разногласия между союзниками, тем более по национально-территориальным вопросам, выплеснулись на поверхность, вместе с тем неизменно призывала решать спорные вопросы путем товарищеских контактов двух сторон¹⁸, а если и отклонялась от равноудаленной позиции, то скорее не в пользу венгров¹⁹.

Между тем, учитывая настроения венгерской интеллигенции, не велик был шанс, что удастся избежать публичной критики румынских властей, тем более в условиях либерализации культурной политики. Начало положил крупный поэт Дюла Ийеш (1902–1983) в 1964 г. на пресс-конференции при посещении Парижа. Кадар, не желавший конфликтов с соседями, реагировал на это пока еще с сильным раздражением²⁰.

---

¹⁷ Földes 2007: 63–67.

¹⁸ Baráth 2003: 83–85.

¹⁹ Так, даже систематические поездки венгерских дипломатов из Бухареста в Трансильванию подчас расценивались как «отгрыжка» великомадярского шовинизма. Ситуация в этом плане стала меняться лишь с ухудшением в 1963–1964 гг. советско-румынских отношений.

²⁰ Földes 2007: 64.

В июле 1964 г. Будапешт посетила румынская делегация во главе с Н. Чаушеску, еще не лидером партии, но очень влиятельным членом ее руководства. Хотя в ходе переговоров стороны предпочли обойти острые вопросы, разногласия давали о себе знать. Так, при обсуждении планов книгообмена с румынской стороны было сказано: проблема не в том, что книги приходят из Венгрии, а в том, что в них (прежде всего в художественной литературе) зачастую не признаются существующие границы (по мнению румын, при этом совсем не имело значения, когда, в какую эпоху эти книги были написаны). Особое недовольство было проявлено публикацией в Венгрии писем адмирала Хорти, воспринятых не как исторический источник, а как руководство к действию. А в марте 1966 г. Чаушеску принял в Бухаресте Кадара уже в новом для себя качестве генерального секретаря. Румынское руководство сразу заблокировало предложения о расширении культурного сотрудничества, опасаясь индоктринации новых поколений своих венгров представлениями о Трансильвании как об одной из венгерских исторических земель. Несколько позже, в своем выступлении Чаушеску впервые публично раскритиковал старую «коминтерновскую» традицию говорить о румынском «империализме» в отношении своих национальных меньшинств и о межвоенной Румынии как многонациональном государстве. Это был явный знак формирования концепции румынского национального социалистического государства и единой (при всем своем многоязычии) румынской социалистической нации, которая стала находить все более последовательное отражение и в официальных документах, где получила развитие одиозная формула «румыны венгерской национальности», не вызывавшая в венгерской среде ничего, кроме горьких усмешек.

Осознавая, что обозначившаяся тенденция может вызвать негативную реакцию общественного мнения в самой Венгрии, кадаровское руководство уже в меньшей степени могло уклониться от выражения собственной позиции. В идеологических структурах ВСРП началась проработка новых программных документов по национальному вопросу. Видные представители творческой интеллигенции, никогда не забывавшие о единстве своей национальной культуры поверх границ, могли теперь в большей мере, чем ранее, опереться на моральную поддержку партийных органов.

В декабре 1967 г. в Румынии была обнародована программа грядущих административно-территориальных реформ, которые должны

были привести и к ликвидации ВАО, преобразуемой в ряд уездов. Хотя в румынской прессе много говорилось о сохранении местных культурно-языковых традиций, было очевидно, что эти реформы будут проводиться под знаком формирования многоязычной румынской нации на основе идеологии, провозглашающей Румынию национальным государством. При этом румынское общество жило в атмосфере довольно оптимистических ожиданий и достаточно широкой поддержки режима снизу, чему способствовали рост уровня жизни, либерализация культурной политики, вызывавшая национальную гордость независимая внешняя политика, реабилитация жертв репрессий 1950-х годов. Эта атмосфера не слишком благоприятствовала росту протестного потенциала венгерской диаспоры, недовольной планами ликвидации автономии. К тому же трансильванские венгры, как и все население страны, пользовалось плодами происходившей индустриализации, хотя оборотной стороной медали в этом процессе были румынизация городов Трансильвании, истощение венгерской сельской культуры. Но даже гипотетическая активизация движения трансильванских венгров в защиту своих прав не получила бы за пределами Венгрии внешней поддержки, особенно внутри советского блока, где их положение по традиции воспринималось как внутреннее румынское дело. В майском визите де Голя Чаушеску увидел наивернейший знак того, что ни недовольство официального Будапешта ликвидацией ВАО, ни тем более отношение трансильванской венгерской интеллигенции к его внутренней политике не играют совершенно никакой роли с точки зрения международного престижа проводимого Румынией особого курса.

Как бы то ни было, весть о скорой ликвидации ВАО вызвала в Венгрии резонанс, интеллигенция усиливала давление на правительство с требованием более жестко поставить перед румынскими властями вопрос о нарушении прав венгров. Вопрос этот открыто поднимался в марте 1968 г. на общем собрании Союза писателей. Активнее пропагандировалось творчество венгероязычных писателей Румынии, представляемое как органическая часть венгерской культуры. Это вызывало в Румынии критику с позиций формировавшейся концепции единой румынской нации — впрочем, пока еще довольно вялую, что объяснялось как уверенностью команды Чаушеску в поддержке большей части собственных граждан, так и тем, что развернувшиеся события Пражской весны и вокруг нее отодвинули

все остальное на второй план. В начале июня 1968 г. Кадар посетил собрание в Союзе писателей, призвав литераторов к терпению и ответственности²¹. Однако через несколько дней на политбюро речь зашла о необходимости, избегая остроты в отношениях с Бухарестом, демонстрировать неравнодушие к положению трансильванских венгров²².

По мере роста напряженности в отношениях Румынии с союзниками в связи с разногласиями по чехословацкому вопросу румынское общество только консолидировалось. В этой атмосфере Чаушеску встретился летом с представителями венгероязычной интеллигенции. Приглашенные, в целом поддерживавшие независимую внешнюю и более либеральную внутреннюю политику, вместе с тем ставили под сомнение целесообразность упразднения ВАО, требовали проведения экономических реформ. Был поднят вопрос о создании новых венгерских культурных институций в Румынии. Хотя Чаушеску был слишком уверен в своих силах, чтобы идти на значительные уступки, сохраняла значимость и задача нейтрализации возможного формирования в столь непростой момент «пятой колонны» в лице трансильванских венгров. Румынский лидер с негодованием отменил высказывания некоторых функционеров ВНР о «двойной ответственности» Бухареста и Будапешта за развитие венгерской культуры Трансильвании²³. С другой стороны, после июльской встречи были несколько расширены возможности печатания книг и прессы на венгерском языке, созданы новые периодические издания, образовано издательство «Критерион» (с центральным офисом в Бухаресте, где его легче было идеологически контролировать, нежели в Клуже²⁴). Представители венгероязычной творческой интеллигенции приглашались на созданные для них почетные (на самом деле декоративные) должности в творческих союзах. Например, вице-председателем Союза румынских писателей в 1968 г. был избран Йожеф Мелиус, прошедший в 1949–1955 гг. шесть лет заключения по политическим обвинениям; в первой половине 1970-х его сменил в этом

²¹ Földes 2007: 106.

²² Földes 2007: 108.

²³ См. свидетельство очевидца: *Kántor L. Becsületünk csücske... 1968 – Romániából (újra)nézve // Élet és irodalom*, 2008. X 22.

²⁴ В Бухаресте начал выходить и массовый еженедельник на венгерском языке *A Hét* («Неделя»).

качестве прозаик и драматург Андраш Шюто, в 1980-е годы уже вступивший в открытый конфликт с румынскими властями своими бескомпромиссными выступлениями в защиту прав трансильванских венгров. По сути, речь шла не более чем о совершенствовании форм идеологического контроля над культурой венгерской диаспоры.

15 ноября 1968 г. (уже после августовской интервенции в Чехословакию, сделавшей во внутривластном плане для властей еще актуальнее «завоевание» собственной венгероязычной интеллигенции) был образован новый, довольно декоративный, с неясным кругом полномочий орган — Румынский совет трудящихся венгерской национальности. В самом его уставе венгероязычные граждане Румынии были названы неотъемлемой составной частью единой румынской нации²⁵. Очевидно, что создание этой структуры явилось игрой властей на опережение с тем, чтобы не допустить в условиях ликвидации территориальной автономии (в результате чего могли остаться не у дел многие местные чиновники венгерской национальности) возникновения плохо контролируемых властями форм самоорганизации трансильванских венгров снизу. Тактика «кнута» сочеталась, таким образом, с тактикой «пряника». Попытки властей приблизить к себе часть венгерской интеллигенции Румынии, заставив играть ее по своим правилам, имели место и позже, в 1970-е годы, хотя были все менее эффективны.

Твердая позиция Румынии, занятая 21 августа, в день интервенции пяти стран — членов ОВД в Чехословакию, стала продолжением прежней независимой внешней политики. Возник острый кризис в отношениях с СССР, урегулированный в последующие месяцы путем компромиссов с обеих сторон. Чехословацкий международный кризис был в полной мере использован Чаушеску в целях сплочения румынского общества на основе поддержки проводимой политики. Причем, выступая 21 августа на массовом митинге, он подчеркнул, что обращается ко всему народу страны, упомянув и румынских венгров, разделяющих в это непростое время судьбу всех граждан своего отечества²⁶. Совершив в конце августа поездки по стране, члены высшего руководства могли убедиться в стабильности ситуации. Особую озабоченность вызывали настроения в секейском крае, где происходила

²⁵ Аналогичный орган получили в это время и немцы Трансильвании.

²⁶ Betea, Diaç, Mihai, Ţiu 2009: 137.

реорганизация ВАО в ряд уездов — для ознакомления с обстановкой туда приехал сам генеральный секретарь. Выступая перед активом, он счел нужным упомянуть, что в результате проводимых реформ «выдающиеся достижения социализма в Румынии» станут более доступны людям на их родном языке, и даже произнес на венгерском языке написанную спичрайтерами здравицу румынской компартии²⁷. Подобного рода популистские жесты были призваны способствовать укреплению его поддержки в трансильванской венгерской среде, также не совсем чуждой ожиданиям позитивных перемен на волне общественного подъема под лозунгами независимости. Видные представители венгерской интеллигенции Трансильвании, осознавая, что в данном конкретном случае правота на стороне Бухареста, а не Будапешта, послушно действующего по указке Москвы, публично выступили в защиту политики Чаушеску. Сама атмосфера патриотического подъема в стране в условиях сильного внешнего давления создавала максимально удобный фон для осуществления административно-территориальной реформы, в ходе которой больше других пострадали именно трансильванские венгры. Правда, донесения Секуритате и письма в ЦК свидетельствуют о неоднозначных настроениях в венгерской этнической среде Трансильвании осенью 1968 г.²⁸ Существовали резонные опасения, что усиление румынского национализма в первую очередь ударит именно по трансильванским венграм, как это уже неоднократно случалось в истории. Как бы то ни было, реформа прошла без острых эксцессов.

При том что кадаровское руководство согласилось участвовать в интервенции после колебаний, 21 августа 1968 г. Венгрия и Румыния оказались по разные стороны в условиях произошедшего временного раскола в мировом коммунистическом движении. Естественно, это внесло новую напряженность в двусторонние отношения. Критика чехословацкого «ревизионизма» в венгерской прессе была слабее в сравнении с прессой СССР, ГДР и Польши²⁹, но без

---

²⁷ Földes 2007: 111. Второй раз Чаушеску применил ту же тактику летом 1971 г., после партийного пленума, внесшего существенные коррективы в культурную политику, казавшуюся властям слишком либеральной, и вместе с тем лишь усилившего акцент на национальной специфике.

²⁸ Betea, Diac, Mihai, Țiu 2009.

²⁹ Представители ВСРП не были заинтересованы в идеологической полемике (в том числе и с румынами) по поводу уроков Пражской весны, понимая свою

нее не обходилось, как и без упоминания в этом контексте националистической линии руководства Румынии. Осенью с обеих сторон предпринимались попытки «наведения мостов» в целях возвращения на докризисный уровень. При этом руководство ВСРП было настроено на более открытое выражение своих принципиальных позиций в вопросах, не оставляющих равнодушным общественное мнение (непопулярность интервенции в Чехословакию и подключения к ней Венгрии только усилила необходимость выстраивания диалога с собственной интеллигенцией, и опасения новых осложнений с соседями отступали при этом на второй план). В партийной прессе публиковались статьи, в которых речь шла о том, что Венгрия считает своим долгом заботиться о развитии культуры венгерской диаспоры в соседних странах как неотъемлемой составной части венгерской культуры.

В ноябре 1968 г. в Будапешт приехал с рабочим визитом Паул Никулеску-Мизил (1923–2008), один из ближайших соратников Чаушеску. Вопрос об административно-территориальной реформе он назвал уже решенным, а формы приобщения «венгероязычных румын» к культуре на родном языке и их представительство в общественно-политической жизни своей румынской родины — внутренним делом румынского государства. Венгерская сторона призывала к расширению не только экономического, но и культурного сотрудничества двух стран, обязавшись при этом не предпринимать ничего в ущерб интересам соседей. Часть предложений была принята, в том числе о регулярных встречах историков двух стран. Вполне ожидаемое противодействие вызвало предложение о расширении связей по линии союзов писателей — такие контакты хуже контролировались и могли усилить венгерское влияние в Трансильвании.

В декабре 1968 г. в Румынии отмечалось 50-летие воссоединения Трансильвании с румынским государством. Пресса, не опасаясь задеть ближайших соседей, не только клеймила мадьяризаторов эпохи австро-венгерского дуализма, но и в довольно уничижительном тоне оценивала венгерский вклад в культуру края. Весной 1969 г. в кругах ВСРП обсуждались возможности обращения к западной прессе

уязвимость для критики с позиций жесткой коммунистической ортодоксии — ведь планы венгерских экономических реформ во многом перекликались с проектами пражских реформаторов, все чаще становившимися мишенью для критики под флагом борьбы с ревизионизмом.

в целях донесения до мировой общественности венгерской точки зрения на спорные проблемы в отношениях с Румынией, предлагалось начать работу над синтетическим трудом по истории Трансильвании, отражающим именно венгерский взгляд на прошлое этого края (до реализации этого проекта дело дошло лишь в 1980-е годы). Д. Ийеш, в свое время вызвавший неудовольствие Кадара, теперь уже с полного согласия властей опубликовал 6 июля в *Népszabadság* («Свобода народа») эссе, где говорил об ответственности как политиков, так и деятелей культуры, которые должны быть восприимчивы к чаяниям сородичей, живущих за пределами государственных границ. И позже, в 1970-е годы его выступления по тем же сюжетам имели большой резонанс, как своего рода камертон, настраивающий на восприятие позиции венгерской духовной элиты, уже все менее расходящейся с официальной линией Будапешта. Крупным писателям разрешалось высказывать то, что подразумевалось и в партийных кабинетах, но о чем до середины 1980-х не было принято говорить с высокой трибуны.

В 1970-е годы Румыния и Венгрия вступали под знаком дальнейшего усиления расхождений по широкому кругу вопросов. В рамках мирового коммунистического движения звучала критика внешней политики Румынии, но отнюдь не ее внутренней политики, с точки зрения которой к Венгрии с ее подозрительными экономическими реформами (и в окружении Кадара это хорошо понимали!) было больше вопросов, чем к Румынии. На Западе же к венгерским реформам стали проявлять интерес фактически только тогда, когда они начали сворачиваться. Таким образом, ставка команды Кадара на лояльность Москве ради того, чтобы создать условия для проведения реформ, оказалась иллюзорной. Для Румынии с ее растущими международными амбициями (в августе 1969 г. в знак уважения к ее независимой политике Бухарест удостоил своим приездом теперь уже президент США Ричард Никсон (1913–1994), и это было первое, если не считать пребывания Ф. Рузвельта (1882–1945) в Ялте в 1945 г., посещение американским президентом коммунистического государства) венгерское направление во внешней политике не было приоритетным, а сама Венгрия воспринималась как послушный вассал Кремля, не способный к проведению самостоятельной линии. Считаться с ее мнением при решении внутренних проблем не было смысла, поскольку национальная политика Румынии не вызывала нареканий

за рубежом. Румынский национализм расценивался на Западе прежде всего как инструмент противостояния гегемонистским претензиям Кремля, причем продолжавшееся сближение Румынии с Китаем в начале 1970-х годов уже не противоречило и новому тренду политики США на китайском направлении, связанному с Г. Киссинджером. Положение изменилось лишь с подписанием в августе 1975 г. Хельсинкского соглашения, наложившего на Румынию обязательства по соблюдению прав своих граждан, но особенно с приходом к власти в США в 1977 г. президента Дж. Картера, при котором американская администрация на международной арене стала делать все больший акцент на правозащитной тематике.

В 1970-е годы Румыния продолжала усиленно продвигать концепцию национального государства и единой румынской социалистической нации. При этом можно было отказаться от слишком радикальных решений национального вопроса в расчете на то, что индустриализация и урбанизация сделают свое дело: соотношение между венграми и румынами в трансильванских городах с каждым годом изменялось в пользу последних, к середине 1970-х годов они уже составляли до 70% городского населения края³⁰. Внимание западных наблюдателей к ущемлению прав трансильванских венгров (сокращению числа школ на венгерском языке и т. д.) было привлечено только в конце 1970-х годов и рассматривалось как частный случай более масштабных правонарушений. А к началу 1980-х Н. Чаушеску полностью растратил приобретенный в 1968 г. политический капитал и из коммунистического деятеля, вызывавшего уважение смелым противостоянием советскому диктату, собственными усилиями превратился в глазах Запада в наиболее одиозного диктатора Европы³¹. Предпочтение на Западе отдавалось лояльному Москве умеренному прагматику Кадару. Соответственно у венгров возросли надежды на международную поддержку своей позиции в двусторонних спорах.

Хельсинкская резолюция 1975 г., как известно, дала толчок правозащитному движению в СССР и странах Восточной Европы

---

³⁰ Bardi, Fedinec, Szarka (eds) 2011: 423.

³¹ Сильной компрометации его режима способствовало бегство на Запад в июле 1978 г. высокопоставленного функционера румынских спецслужб И. М. Пачепы, в результате которого достоянием публики стали многие неблагоприятные операции Секуритате за пределами страны.

(чехословацкая Хартия–77 и др.). В Румынии это движение приобрело гораздо меньший размах, чем в Польше, Чехословакии и Венгрии³². Показательно, однако, что в нем участвовали, не идя на конфликт с румынской интеллигенцией, но формулируя собственные задачи, и венгерские интеллектуалы Трансильвании. Одним из ярких проявлений их самоорганизации стал выпуск в 1981–1983 гг. нелегального журнала *Ellenpontok* («Контрапункты») под редакцией Г. Сёча. Поднимая проблему положения венгерского меньшинства в Румынии, диссиденты либеральной и леволиберальной ориентации из числа трансильванских венгров предлагали решать ее на основе последовательной демократизации страны, развития гражданского общества³³.

В условиях ужесточения внутренней политики, с утратой возможностей для деятельности в самой Румынии, трансильванские диссиденты венгерского происхождения покидали страну. Некоторые, сумев устроиться в кадаровской Венгрии, участвовали там в нелегальных или полуполигальных движениях, пользуясь тем, что не только интеллигенция, но и партийная элита Будапешта сочувствовала венгерскому «национальному делу» в Трансильвании. Пути трансильванцев, оказавшихся в Будапеште, со временем разошлись. В числе первых выдворенных из Румынии венгерских диссидентов был Гашпар Миклош Тамаш, философ, один из наиболее ярких венгерских левых интеллектуалов, сегодня один из жестких критиков современного венгерского официального национализма. По-другому сложилась судьба Гезы Сёча, который уже в 2010-е гг. стал одним из руководителей культурной политики правительства В. Орбана.

Там, где дело касалось усиления национализма в Румынии и его негативного влияния на положение венгров, Я. Кадар, в узком кругу критиковавший политику Чаушеску, был в то же время предельно осторожен, не желая эскалации в отношениях с ближайшим соседом. Понимая, что муссирование венгерской прессой вопроса не будет

³² Никифоров (ред.) 2014.

³³ Говорить о полной гармонии в отношениях венгров и румын в диссидентском движении, впрочем, не приходится. Идея закрепления за венграми неких коллективных прав не получила поддержки и среди последовательных в своих либеральных принципах румынских диссидентов. В адрес венгров звучали упреки в национальном эгоизме, мешавшем установлению союза с ними в деле отстаивания демократических прав людей независимо от национальности.

поддержано ни Москвой, ни в соседних социалистических странах, где в исторической памяти сохранялся образ венгерского ирредентизма времен режима Хорти, венгерский лидер, чья молодость пришла как раз на то время, не уставал повторять, что «нам негоже создавать вокруг себя новую Малую Антанту», и старался по возможности не касаться проблем венгерской диаспоры в своих публичных выступлениях. Но в 1970-е годы такой подход уже совсем не находил понимания венгерского общественного мнения, все более внимательно наблюдавшего за ситуацией в Румынии. Рупором национальных чаяний трансильванских венгров и информатором о них широкой общественности в самой Венгрии становится самиздат, причем вполне либеральной направленности — возникшие в 1981 г. журналы *Beszélő* («Говорящий»), *Hirmondó* («Вестник») и др. Понимая, что власти не заинтересованы целиком отдавать тему на откуп внесистемной оппозиции, которая может тем самым приобрести еще больший политический капитал, с начала 1980-х годов идеологи ВСРП Дёрдь Ацел (1917–1991) и другие все чаще и более открыто касались тех же проблем в выступлениях, что вызывало отповедь со стороны агитпропа Чаушеску.

Недовольство венгерского общества позицией собственных властей, демонстрировавших, как считалось, равнодушие или, по крайней мере, недостаточное внимание к положению венгров в соседних странах, способствовало зарождению в 1980-е годы организованной оппозиции, проведению первых ее совещаний (в Моноре в 1985 г. и др.), формированию ее структур. Требование защиты прав венгерской диаспоры включалось едва ли не во все программные заявления оппозиции, эту проблему ставил во главу угла созданный в 1987 г. Венгерский демократический форум, со временем преобразованный в партию консервативной ориентации, одержавшую победу на первых свободных парламентских выборах весной 1990 г.³⁴ Интерес к положению венгров в соседних странах оставался одним из цементирующих, консолидирующих оппозицию факторов вплоть до 1989 г., когда уже развернулась открытая борьба за власть, правящая партия раскололась и пошло размежевание по многим принципиальным

---

³⁴ См.: Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа / отв. ред. Ю. С. Новопашин. Т. II. Документы и материалы последней трети XX века. СПб.: Алетей, 2013. С. 239–240, 252–256.

вопросам будущего развития страны, начался процесс кристаллизации партий либеральной и консервативно-националистической ориентации. Для последних проблема положения венгерской диаспоры всегда продолжала оставаться одной из базовых в их программах, но с резкой критикой национальной политики Чаушеску охотно выступали, делая несколько иные, прежде всего правозащитные акценты, и политики последовательно либеральной ориентации. С середины 1980-х годов, после прихода к власти М. С. Горбачева и с началом Перестройки в СССР венгерским властям в условиях активизации собственных внесистемных движений все труднее было контролировать прессу, все чаще затрагивавшую положение венгров в Румынии, где с конца 1970-х было предпринято новое наступление на позиции венгерских школ, а затем и на венгероязычные СМИ³⁵.

В 1980-е годы неэффективная румынская экономика переживала огромные трудности. По мере усиления угрожавших режиму вызовов и при все меньшем благопритствование Запада реализации его волонтаристских проектов Чаушеску был все сильнее склонен разыгрывать националистическую карту. На фоне растущей нищеты населения достигла пика строительная гигантомания, призванная подчеркнуть имперскую мощь социалистической Румынии, проводящей независимую внешнюю политику и афиширующей свою преемственность государственным традициям даков и древних римлян. Все это не могло не сказаться на положении трансильванских венгров, как и на состоянии венгеро-румынских отношений. Город Клуж был переименован в Клуж-Напоку, дабы подчеркнуть преемственность римским традициям и континуитет проживания на одной и той же территории романоязычного населения в течение двух тысяч лет со времен городского поселения Напока на месте сегодняшнего Клужа. Шумные кампании по празднованию 70-летия воссоединения Трансильвании с Румынией 1 декабря 1988 г. и других годовщин приобретали нескрываемый антивенгерский оттенок.

Большой скандал разыгрался в 1986 г., с выходом в Венгрии под эгидой Академии наук трехтомной «Истории Трансильвании», которую тут же начали переводить на иностранные языки³⁶. Принципи-

³⁵ К 1985 г. закрылись ряд теле- и радиостудий, рассчитанных на венгероязычную аудиторию. Радиовещание на венгерском языке, по сути, сводилось к 30 мин. в сутки.

³⁶ См. дополненное издание: Kőpeczi (ed.) 2002.

альные расхождения в трактовке историками двух стран ключевых проблем истории края делали едва ли возможной выработку общей позиции. Но научной дискуссии в принципе не получилось, ибо после директивных публикаций в румынской прессе спор был сразу же переведен в политическую плоскость. Двусторонние отношения вступили в полосу открытых и все более яростных дискуссий.

Дело еще более усугубилось, когда в 1987–1988 гг. в Румынии была разработана программа укрупнения (так называемой систематизации) сельских населенных пунктов. В соответствии с ней предполагалось разрушить большое количество якобы бесперспективных деревень, в первую очередь венгерских, в Секейском крае. Это вызвало возражения и в среде румынских либеральных диссидентов, в Венгрии же породило настоящий шквал эмоций и массовые митинги протеста, поддержанные и частью партийной элиты. В Москве, не принимая политику Чаушеску, выражали все больше понимания венгерской позиции, но призывали лидеров ВСРП активизировать диалог непосредственно с Бухарестом, что не возымело успеха. К осени 1989 г. отношения Венгрии и Румынии достигли предельно низкой за весь послевоенный период отметки, и не удивительно, что с первых часов декабрьской революции с румынской стороны ставился вопрос о происках соседнего государства как едва ли не главной причине происходящего³⁷.

При отсутствии других возможностей легальной самоорганизации в интересах отстаивания коллективных национальных прав трансильванских венгров возрастала консолидирующая роль церквей. 16 декабря 1989 г. именно попытки жителей г. Тимишоары заступиться за популярного протестантского священника Ласло Тёкеша, которого собирались депортировать из города, привели к массовому восстанию, положившему начало румынской декабрьской революции.

Падение режима Чаушеску не развязало запутанных узлов в отношениях соседних народов. Потенциал конфликтности, накопленный ранее, был унаследован посткоммунистической эпохой, при этом венгерское сообщество Трансильвании не перестает обращаться к опыту коммунистического периода. При всем критическом отношении к реализованному на практике проекту ВАО, трактуемому

---

³⁷ Анатомия конфликтов. Т. II. С. 530–532.

зачастую как не более чем уловка в ходе реализации антивенгерской внутренней политики, современные политические силы трансильванских венгров неустанно апеллируют к идее венгерской автономии в Трансильвании (в пределах секейских уездов Харгита и Ковасна) как к своего рода фетишу, не мысля без ее реализации подлинного обеспечения коллективных прав венгерского национального меньшинства в Румынии. Однако осуществление этой идеи наталкивается на конституционные препятствия. Ведь статус Румынии как унитарного национального государства никак не подлежит пересмотру — такова консолидированная позиция как бухарестской политической элиты (при всей остроте внутривнутриполитических споров по многим другим вопросам), так и более широкого общественного мнения страны.

Список сокращений

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва
ВАО — Венгерская автономная область
ВСРП — Венгерская социалистическая рабочая партия
КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии
ОВД — Организация Варшавского договора
РКП — Румынская коммунистическая партия
РРП — Румынская рабочая партия

Литература

- Боттони 2014 — *Боттони С.* Создание Венгерской автономной области в Румынии (1952 г.): предпосылки и последствия // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 206–230.
- Гладышева 2018 — *Гладышева А. С.* Позиция Румынии по вопросу нераспространения ядерного оружия (1955–1968) // Славяноведение. 2018. № 5. С. 60–73.
- Исламов, Покивайлова 2008 — *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946. М.: Индрик, 2008. 240 с.
- Никифоров (ред.) 2014 — Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х — 80-е гг. XX в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. 736 с.

- Покивайлова 2013 — *Покивайлова Т.А.* От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 177–206.
- Стыкалин 2020 — *Стыкалин А.С.* Распад Австро-Венгерской монархии и исторические судьбы Трансильвании // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 58–72.
- Baráth 2003 — *Baráth M.* Magyarország a szovjet diplomáciai iratokban, 1957–1964 // *Múlt századi hétköznapiak. Tanulmányok a Kádár-rendszer kialakulásának időszakáról* / szerk. J.M. Rainer. Budapest: 1956-os Intézet, 2003. 67–72. old.
- Bardi, Fedinec, Szarka (eds) 2011 — *Minority Hungarian communities in the twentieth century* / ed. by N. Bardi, Cs. Fedinec, L. Szarka. Boulder (Colo): East European Monographs; Highland Lakes (N.J.): Atlantic Research and Publications; New York: University Press, 2011. 550 p.
- Betea, Diac, Mihai, Țiu 2009 — *Betea L., Diac C., Mihai F.-R., Țiu I.* 21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu. Iași: Polirom, 2009. 280 p.
- Boca 2001 — *Boca I.* 1956 — un an de ruptură. România între internationalismul proletar și stalinismul antisovietic. București: Fundația Academia Civică, 2001. 439 p.
- Bodo, Lázár, Lövétei (eds) 2013 — *Az idők mérlegén. Tanulmányok Márton Áron püspökről* / szerk. M. Bodó, Cs. Lázár, L.J. Lövétei. Budapest; Kolozsvár: Szent István Társulat; Verbum, 2013. 214 p.
- Földes 2007 — *Földes Gy.* Magyarország, Románia és a nemzeti kérdés. 1956–1989. Budapest: Napvilág, 2007. 562 old.
- Köpeczi (ed.) 2002 — *History of Transylvania: in 3 vols.* / gen. ed. by B. Köpeczi. Highland Lakes; New York: East European Monographs, 2002. 2676 p.
- Sitariu 2004 — *Sitariu M.* Oaza de libertate. Timișoara, 30 octombrie 1956. Iași: Polirom, 2004. 216 p.

References

- Baráth, M., 2003. Magyarország a szovjet diplomáciai iratokban 1957–1964. In: Rajner M., J., ed. *Múlt századi hétköznapiak. Tanulmányok a Kádár-rendszer kialakulásának időszakáról*. Budapest: 1956-os Intézet, pp. 67–72.
- Bardi, N., Fedinec, Cs., Szarka, L., eds, 2011. *Minority Hungarian communities in the twentieth century*. Boulder (Colo): East European Monographs; Highland Lakes (N.J.): Atlantic Research and Publications; New York: University Press, 550 p.
- Betea, L., Diac, C., Mihai, F.-R., Țiu I., 2009. *21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu*. Iași: Polirom, 280 p.

- Boca, I., 2001. *1956 — un an de ruptură. România între internationalismul proletar și stalinismul antisovietic*. București: Fundația Academia Civică, 439 p.
- Bodó, M., Lázár, Cs., Lövétei, L. J., eds, 2013. *Az idők mérlegén. Tanulmányok Márton Áron püspökről*. Budapest; Kolozsvár: Szent István Társulat; Verbum, 214 p.
- Bottoni, S., 2014. Sozдание Vengerskoi avtonomnoi oblasti v Rumynii (1952). Predposylki i posledstviia [The Formation of the Magyar Autonomous Region in Romania (1952): background and consequences]. In: Serapionova, E. P., ed. *Natsional'nye men'shinstva v stranakh Tsentralnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy: istoricheskii opyt i sovremennoe polozhenie* [National Minorities in the countries of Central and South-Eastern Europe: the historic experience and actual situation]. Moscow: Institut Slavianovedenia RAN, pp. 206–230. (in Rus.)
- Földes, Gy., 2007. *Magyarország, Románia és a nemzeti kérdés 1956–1989*. Budapest: Napfény, 562 p.
- Gladysheva, A. S., 2018. Pozitsiia Rumynii po voprosu nerasprostraneniia iadernogo oruzhiia (1955–1968) [The position of Romania on the nonproliferation of the nuclear weapon (1955–1968)]. *Slavyanovedenie*, 5, pp. 60–73. (in Rus.)
- Köpeczi, B., gen. ed., 2002. *History of Transylvania*, 1–3. Highland Lakes—New York: East European Monographs, 2676 p.
- Islamov, T. M., Pokivailova, T. A., 2008. *Vostochnaia Evropa v silovom pole velikikh derzhav. Transivanskii vopros 1940–1946* [Eastern Europe in the force field of the great powers. The Transylvanian issue 1940–1946]. Moscow: Indrik, 240 p. (in Rus.)
- Nikiforov, K. V., ed., 2014. *Inakomyslie v usloviyah “real'nogo sotsializma”. Poiski novoi gosudarstvennosti. Konets 60-kh — 80-e gg. 20 v.* [Dissent in the conditions of “real socialism”. The search for a new statehood. From the late 1960s to the 1980s]. Moscow: Institut slavianovedenia RAN, 736 p. (in Rus.)
- Pokivailova, T., 2013. Ot G. Gheorghiu-Dezha k N. Chaushesku. Rumyno-sovetskie otnosheniia: smena vekh [From George Gheorghiu-Dej to Nicolae Ceaușescu. Romanian-Soviet relations: the change of the milestones]. In: Volokitina, T. V., ed. *Moskva i Vostochnaya Evropa. Neprostye 60-e... Ekonomika, politika, kultura* [Moscow and Eastern Europe. The uneasy 1960s... Economics, politics, culture]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 177–206. (in Rus.)
- Sitariu, M., 2004. *Oaza de libertate. Timișoara, 30 octombrie 1956*. Iași: Polirom, 216 p.
- Stykalin, A. S., 2020. Raspad Avstro-Vengerskoi monarkhii i istoricheskie sud'by Transil'vanii [The collapse of the Austro-Hungarian Monarchy and the historical fate of Transylvania]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2, pp. 58–72. (in Rus.)

Aleksandr S. Stykalin

PhD, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii
Prospekt, 32A. E-mail: zhurslav@gmail.com

The Hungarian community of Transylvania in its relations with the Romanian communist authorities in the 1950s – 1980s

The historical experience of Hungarian-Romanian relations in previous eras affected the relations of the Hungarian national minority of Transylvania with the Romanian communist authorities from the 1950s to the 1980s. The concept of Romania as a unitary national state excluded the idea of Hungarian territorial autonomy even within its narrowest borders; Transylvanian Hungarians were declared an integral part of the Romanian political nation. This caused growing resistance from the consolidated Hungarian minority with a highly developed national identity and with the intelligentsia, which perceived itself as the guardian of the 1000-year-old Hungarian state and cultural traditions in Transylvania. The reaction of the Transylvanian Hungarian intelligentsia to the growing Romanian nationalist challenge changed as the Ceaușescu regime evolved, giving rise to different behavioral strategies. In the late 1960s, when Romania's independent policy was internationally recognised the dominant attitude was to influence the situation through dialogue with the authorities. Later, from the end of the 1970s, the participation of Transylvanian Hungarians in the Romanian dissident movement intensified. The policy of the Kádár regime concerning the Hungarians in Romania also changed depending on the state of Hungary–Romania relations.

Keywords: Romania, Transylvania, Hungarian national minority, Hungary–Romania relations, Nicolae Ceaușescu

How to cite: Stykalin, A.S., 2021. Vengerskoe natsional'noe soobshchestvo Transil'vanii i ego vzaimootnosheniia s kommunisticheskimi vlastiami Rumynii (1950–1980-e gody). *Tsentral'noevropeiskie issledovania*, 2020, 3(12), pp. 134–161. doi: 10.31168/2619-0877.2020.3.7